

Национальная безопасность / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Ротко А.Г. Пределы легитимности: личная свобода и государственная безопасность в политико-правовом сравнении // Национальная безопасность / nota bene. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.5.75032 EDN: ACFRIX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75032

Пределы легитимности: личная свобода и государственная безопасность в политико-правовом сравнении

Ротко Андрей Геннадьевич

Магистр; Институт проблем безопасности; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

109012, Россия, г. Москва, Таганский р-н, Славянская пл., д. 4 стр. 2

✉ agrotko@edu.hse.ru

[Статья из рубрики "Компаративный анализ систем безопасности"](#)

DOI:

10.7256/2454-0668.2025.5.75032

EDN:

ACFRIX

Дата направления статьи в редакцию:

30-06-2025

Дата публикации:

03-12-2025

Аннотация: Предметом исследования является политico-правовая природа легитимности ограничений прав личности в контексте обеспечения государственной безопасности. Объектом анализа – модели нормативного и институционального регулирования баланса между личной свободой и государственным интересом в условиях трансформации угроз и кризисов легитимности. Автор рассматривает философские основания понятия легитимности, типологию ограничений прав, риторику угроз и политico-правовые особенности Китая, России, США и Европейского союза. Цель статьи – выявить нормативные и дискурсивные механизмы легитимации ограничений свободы в условиях угроз безопасности. В качестве гипотезы выдвинуто предположение о смещении баланса в сторону приоритета государственной

безопасности при снижении уровня процедурной подотчётности. Методология основана на синтезе философии права, сравнительно-правового и критического дискурс-анализа, позволяющем выявить нормативно-ценностные основания моделей легитимности. В результате анализа выделены четыре модели соотношения свободы и безопасности – от идеологического контроля до правовой подотчётности. Установлено, что универсальный подход к определению допустимых ограничений невозможен без учёта правовой культуры и риторических конструкций угроз. Практическая значимость – в применении результатов для оценки допустимости ограничений и разработки актов в сфере цифровой безопасности. Методология исследования включает философию права, сравнительно-правовой анализ и критический дискурс-анализ, что позволяет выявить нормативные, институциональные и риторические механизмы легитимации ограничений прав личности в различных политико-правовых системах. Новизна исследования заключается в комплексном философско-правовом и сравнительно-правовом анализе легитимности ограничений прав личности в условиях трансформации политico-правового порядка и роста исключительных режимов. В отличие от существующих работ, автор объединяет нормативные, институциональные и дискурсивные подходы, что позволяет выявить глубинные различия моделей легитимации в авторитарных и либеральных юрисдикциях. Особым вкладом автора является разработка типологии моделей легитимности (КНР, РФ, США, ЕС) и выявление взаимосвязи между уровнем институциональной подотчётности и допустимостью ограничений. Основными выводами проведенного исследования являются: невозможность универсализации баланса между свободой и безопасностью; наличие устойчивых дискурсивных механизмов нормализации исключения; и необходимость переосмысления понятий «угроза» и «легитимность» в рамках правового анализа.

Ключевые слова:

Легитимность, Государственная безопасность, Личные свободы, Ограничение прав, Суверенитет, Исключительный режим, Политико-правовой дискурс, Сравнительный анализ, Правовая культура, Философия права

Введение

Современное переосмысление границ легитимного вмешательства государства в частную жизнь индивида в целях обеспечения безопасности приобретает особую значимость в условиях глобальной нестабильности, цифрового контроля и кризисов легитимности. На протяжении столетий концепция государственного интереса служила краеугольным камнем политico-правового регулирования, однако её содержательное наполнение варьировалось в зависимости от политической культуры, уровня институционального развития и философии власти. Сегодня, когда перед государствами встают вызовы, выходящие за пределы классической сферы военной угрозы – от трансграничной киберпреступности до биopolитического управления, – возникает необходимость пересмотра баланса между правами личности и интересами государства.

Философские основания проблемы восходят к концепциям Т. Гоббса^[1] и Дж. Локка^[2], по-разному трактующим границы допустимого ограничения свободы. Для Гоббса безопасность обеспечивается всевластным сувереном в обмен на отказ от части свобод; Локк, напротив, отстаивал идею естественных прав, подлежащих защите даже от легитимной власти. В XX веке данные подходы развивались у К. Шmitta^[3], выделявшего

суверена как принимающего решение об исключении, и у М. Фуко^[4], анализировавшего дисциплинарные практики модерного государства. Теория «bare life» Дж. Агамбена^[5] и концепция коммуникативной легитимности Ю. Хабермаса^[6] ставят под вопрос допустимость государственного вмешательства, особенно в условиях чрезвычайных режимов.

В научной литературе прослеживается расхождение между нормативно-юридическим и критическим подходами к ограничению прав. В либеральной традиции (R. Dworkin^[7], D. Dyzenhaus^[8], J. Rawls^[19], R. Nozick^[20]) приоритет отдается защите формальных прав даже в условиях чрезвычайного положения. В частности, Дж. Ролз настаивал на институциональных гарантиях равного уважения к правам всех граждан, в то время как Р. Нозик выступал за минимальное государство, лишённое полномочий широкого регулирования во имя общественного блага. В противоположность этим подходам критическая школа (G. Agamben, D. Bigo^[22]) акцентирует внимание на институционализации исключения как новой нормы. Представители Копенгагенской школы (B. Buzan^[24], O. Wæver^[25]) рассматривают безопасность как риторически сконструированный процесс (секьюритизацию), позволяющий выйти за пределы нормального политического порядка. Оппоненты радикального критицизма — B. Honig^[14], J. Bartelson^[15] — указывают на опасности пессимистического взгляда и игнорирования устойчивых форм институциональной подотчётности.

На практике реализуются противоположные подходы: от приоритета государственной безопасности и концепта суверенного контроля (в централизованных системах) до парадигмы «human security», в рамках которой акцент переносится на защиту достоинства и прав личности. Соответственно формируются различные основания легитимности: правовая, коммуникативная, утилитарная, харизматическая.

Несмотря на развитие теории, наблюдается дефицит междисциплинарных исследований, одновременно критически осмысливающих понятие государственного интереса и легитимность ограничения прав личности в сравнительной перспективе. В политико-правовой практике сохраняется разрыв между риторикой универсальности прав человека и их ограничением в интересах национальной безопасности. Эти противоречия особенно обостряются в условиях трансформации международной системы, когда классическая иерархия суверенитета сменяется гибридными режимами управления.

Цель исследования — выявить, как в современных политико-правовых системах формируется и легитимируется граница между личной свободой и государственной безопасностью.

Гипотеза: в условиях усложнения угроз и деформации институтов правовой защиты происходит смещение приоритета в сторону усиления государственного контроля, что требует пересмотра нормативных оснований легитимности.

Методология исследования включает философию права, политическую теорию, сравнительно-правовой анализ и критический дискурс-анализ. Такой синтез позволяет выявить не только формальные основания приоритета безопасности, но и нормативные механизмы легитимации власти в различных политико-правовых системах.

Статья состоит из четырёх разделов: философские основания государственного интереса; сравнительный анализ моделей легитимации безопасности (РФ, КНР, ЕС, США); нормативные основания допустимости ограничений; выводы о границах

легитимности в современном мире.

Материалы и методы

Настоящее исследование базируется на междисциплинарном подходе, сочетающем философию права, политическую теорию, сравнительно-правовой анализ и критический дискурс-анализ. Такой синтез позволяет выявить не только формальные основания приоритета безопасности, но и онтологические и нормативные механизмы легитимации власти в различных политико-правовых системах.

Выбор методологии обусловлен стремлением дополнить традиционный юридический позитивизм подходами, позволяющими более глубоко анализировать нормативные предпосылки власти и формы её легитимации в условиях политической риторики. Исследование сосредоточено на взаимодействии права, идеологии и политической риторики в условиях кризисов легитимности.

Во-первых, применяются философско-правовые методы: интерпретация ключевых концепций (Гоббс^[1], Локк^[2], Шмитт^[3], Фуко^[4], Агамбен^[5], Хабермас^[6]) и нормативный анализ понятий «суверенитет», «право», «исключение», «порядок», «государственный интерес».

Во-вторых, используется сравнительно-правовой анализ моделей соотношения свободы и безопасности в четырёх юрисдикциях: РФ, КНР, ЕС и США. Критерии сопоставления включают нормативные основания, публичную риторику, институциональные формы ограничений, судебную практику и доктрины.

В-третьих, применяется критический дискурс-анализ, основанный на работах Н. Фэркрофа, Т. ван Дейка, В. Honig^[14] и И. Берлина^[21] (о позитивной и негативной свободе). КДА позволяет выявить риторические конструкции — «угрозы стабильности», «национальная безопасность», «чрезвычайные обстоятельства» — легитимирующие власть.

Источники дискурса: стратегии национальной безопасности, послания глав государств, нормативные акты, пояснительные записки, публичные выступления. Эмпирическая база включает ключевые документы, принятые в период введения ограничительных мер (Patriot Act, GDPR, закон КНР о нацбезопасности, российские стратегии и закон «О безопасности»).

Также используются общелогические методы (анализ, синтез, дедукция, абстрагирование), позволяющие выявить инварианты моделей легитимации, их структурные различия и политico-правовую динамику.

Результаты

В ходе сравнительно-правового и философско-правового анализа были выделены четыре модели соотношения личной свободы и государственной безопасности, соответствующие ключевым политico-правовым системам: Китайская Народная Республика, Российская Федерация, Соединённые Штаты Америки и Европейский союз. Сравнение осуществлялось по пяти параметрам: тип легитимации безопасности, нормативная база, приоритет в соотношении «личность — государство», а также юридический подход к допустимости ограничения прав (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Сравнение моделей безопасности и свободы

	Параметр	Китайская Народная Республика	Российская Федерация	Соединённые Штаты Америки	Европейский союз
--	----------	-------------------------------	----------------------	---------------------------	------------------

Страна/субъект	Тип легитимации безопасности	Приоритет свободы государства /	Нормативная база	Подход ограничения прав
Китай	Политико-идеологическая (суверенитет, партийный контроль)	Приоритет государства	Закон о национальной безопасности (2015), Конституция КНР	Рассматриваются как инструмент обеспечения стабильности
Россия	Конституционно-законодательная с акцентом на государственные интересы	Приоритет государства с отдельными гарантиями	Конституция РФ, федеральные законы о безопасности, стратегии	Допустимы наличия угроз через правовой механизм
США	Либерально-демократическая, права личности как ограничитель власти	Приоритет личности с возможностью ограничений	Конституция США, Bill of Rights, Patriot Act	Только в условиях угроз строго регулируются судами
ЕС	Коммуникативно-правовая, баланс интересов и прав человека	Баланс прав и интересов с доминированием принципа пропорциональности	Хартия ЕС, ЕКПЧ, GDPR	Допустимы соблюдении принципов необходимости соразмерности

Источник: составлено автором на основе: Hobbes T. *Leviathan* (1651); Locke J. *Two Treatises of Government* (1689); Schmitt C. *Political Theology* (1922); Foucault M. *Discipline and Punish* (1975); Agamben G. *Homo Sacer* (1995); Habermas J. *Between Facts and Norms* (1992); Neocleous [11] M. (2008); Fraser [12] N. (1997); Human Rights Watch [18] (2020); Смирнова Н. И. (2022); Иванов В. П. (2021); Овчинников А. И. (2020).

На основе представленных данных можно сделать следующие обобщения:

Во-первых, в странах с централизованной политико-правовой структурой (КНР и РФ) доминирует подход, в рамках которого безопасность легитимируется через риторику устойчивости, при этом, как подчёркивает Н.И. Смирнова, подобная модель опирается не столько на процедурную проверку, сколько на апелляцию к риторике угроз, тем самым нормализуя исключение [16]. Дополнительно, В.П. Иванов указывает, что государственный интерес трактуется как правовая доминанта, подчиняющая частную автономию целям стабильности [17]. через дискурс государственного суверенитета и устойчивости. Ограничения прав личности воспринимаются как допустимые и даже необходимые меры в условиях актуализации внутренних и внешних угроз. В КНР это обоснование тесно связано с идеологическим контролем и партийной линией, а в России — с опорой на правовое закрепление приоритета государственной безопасности в официальных стратегических документах.

Во-вторых, в США и странах ЕС наблюдается иная нормативная логика: безопасность мыслится через призму прав человека, а ограничения допускаются лишь в исключительных случаях и подлежат судебной проверке. В США данный подход обоснован либеральной правовой традицией и конституционными ограничениями, тогда

как в ЕС ключевую роль играет принцип соразмерности, институционализированный в практике Европейского суда по правам человека.

Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что даже в этих юрисдикциях соответствующие правовые механизмы подвергаются критике. Так, M. Neocleous^[11] указывает на юридическую размытость понятия пропорциональности, что делает его уязвимым для политических интерпретаций. Аналогичные опасения озвучиваются и в отношении США, где практика исключительных мер часто балансирует на грани между конституционным контролем и латентной нормализацией чрезвычайных полномочий. В ряде случаев американские суды, традиционно считающиеся оплотом защиты гражданских свобод, демонстрировали высокую степень деференции в вопросах национальной безопасности, особенно в области внешней политики и иммиграции^[26]. Это создало ситуацию, при которой даже фундаментальные принципы *due process* подвергались ослаблению. Принцип соразмерности, лежащий в основе проверки допустимости ограничений, по-прежнему служит ключевым ориентиром как для американской, так и для британской судебной практики. Как показывает D. Lowe, даже после разоблачений Эдварда Сноудена суды в обеих странах стремились выработать баланс между необходимостью превентивных мер и защитой прав личности, полагаясь на анализ в духе пропорциональности^[28].

В ряде юрисдикций механизм допустимости ограничений прав личности получил развитие в рамках судебной практики. Так, в решении Европейского суда по правам человека по делу Gillan and Quinton v. United Kingdom (решение от 12 января 2010 г., жалоба № 4158/05, URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-96585>, дата обращения: 01.06.2025) было установлено, что предоставление полиции полномочий на досмотр лиц и транспортных средств без достаточной правовой процедуры нарушает ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека. Суд подчеркнул необходимость правовой определённости, пропорциональности и независимого контроля. Аналогичным образом, в деле Boumediene v. Bush (решение Верховного суда США от 12 июня 2008 г., № 06-1195) было признано, что лишение доступа к судебному обжалованию содержания в условиях военного конфликта нарушает фундаментальные принципы *due process* и верховенства права (URL: <https://www.supremecourt.gov/opinions/07pdf/06-1195.pdf>, дата обращения: 01.06.2025).

В-третьих, наблюдается различие в инструментах легитимации: от нормативно-закреплённой необходимости и угроз до процедурных механизмов (публичное обсуждение, судебный контроль, принцип пропорциональности). Это указывает на различие в понимании роли государства — как гаранта порядка (КНР, РФ) или как модератора баланса интересов (ЕС, США).

Наконец, полученные результаты подтверждают, что универсальная модель легитимности в сфере безопасности невозможна без учёта контекста правовой культуры, доминирующей философии власти и механизмов институционального доверия. Более того, попытка представить авторитарные модели как функциональные аналоги либеральных стандартов вызывает сомнение с точки зрения универсальных прав человека. Как подчёркивает N. Fraser^[12], без процедурной и социальной подотчётности легитимация утрачивает критический ресурс и становится формальной оболочкой политического контроля. Human Rights Watch^[18] и Amnesty International^[23] в свою очередь фиксируют случаи системного злоупотребления доктриной угрозы как основания для репрессивных мер в ряде юрисдикций.

Для более глубокого сопоставления моделей ограничений личной свободы и выявления институционально-дискурсивных оснований их легитимации составлена таблица (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Институциональные и дискурсивные основания ограничения прав личности в сравнительной перспективе

Критерий	КНР	РФ	США	ЕС
Тип легитимации	Идеологическая (партийный контроль, стабильность)	Нормативно-государственная (государственные интересы)	Конституционно-либеральная (индивидуальные свободы)	Коммуни права права и и
Основание для ограничения прав	«Национальное единство», «угроза стабильности»	«Защита конституционного строя», «общественный порядок»	«Национальная безопасность», «террористическая угроза»	«Права «общест необходи
Механизм проверки допустимости	Внутрипартийный контроль, закрытые процедуры	Ограниченный судебный и административный контроль	Полноценная судебная проверка (в т.ч. Верховный суд)	Судебны практика принцип соразмер
Степень институциональной подотчётности	Низкая (жёсткая иерархия)	Средняя (ограниченная подотчётность)	Высокая (независимые суды и парламентский контроль)	Высокая (многоуровневая судебная система)
Характер угрозы (в дискурсе)	Идеологически конструируемая	Гибридная: реальные риторические конструкции	+ Формализованная, проверяемая	Интерпретация практике
Форма артикуляции угрозы	Гос СМИ, партийные документы	Стратегии, послания, законопроекты	Парламентские слушания, суды, отчёты спецслужб	Решения заключения комиссии правоза

Источник: составлено автором на основе: Конституции и национальных стратегий безопасности КНР, РФ, США и ЕС; GDPR; Patriot Act; Европейской конвенции по правам человека; данных Human Rights Watch^[18]; van Dijk^[91] T. (2008); Fairclough^[10] N. (2010); Fraser^[12] N. (1997); Neocleous^[11] M. (2008); Glennon^[13] M. (2014); Овчинников А. И. (2020); Смирнова Н. И. (2022).

Представленные в таблицах результаты подтверждают, что различия между странами выходят за рамки правовых формулировок и касаются глубинных характеристик легитимации — от риторики угроз до институциональных механизмов подотчётности. Институциональный уровень, а также способы публичной артикуляции угроз формируют устойчивые модели «нормального исключения» (КНР, РФ) или процедурной фильтрации (США, ЕС), что свидетельствует о фундаментальном расхождении философии власти. Это делает невозможным единый нормативный подход и требует рассмотрения легитимации в перспективе критического анализа риторики, норм и институтов, что станет предметом следующего раздела.

Обсуждение

Полученные в ходе исследования результаты демонстрируют, что граница между личной свободой и государственной безопасностью не может быть универсализирована в рамках единой нормативной модели. Она формируется в конкретных историко-политических и правовых контекстах, отражающих фундаментальные ценностные ориентации соответствующих обществ. Это подтверждает релевантность философско-правового подхода, в рамках которого безопасность рассматривается не только как эмпирическое или нормативное явление, но и как дискурсивный конструкт, определяющий структуру политического порядка.

Согласно позиции Ю. Хабермаса^[6], легитимность современной власти невозможна вне процедурной рациональности и публичного обоснования. Однако данная модель требует высокого уровня демократического участия, развитых форм гражданского контроля и инклюзивного публичного пространства. В этом контексте особенно показателен подход Дж. Ролза^[19], настаивавшего на приоритете равенства возможностей и уважения к индивиду в условиях справедливого общественного устройства. Тем не менее, критики, включая Роберта Нозика^[20], предупреждают об угрозе чрезмерного государственного вмешательства даже под лозунгами справедливости.. Как подчёркивает N. Fraser^[12], институциональные условия демократического диалога не даны априори, а зависят от степени структурного неравенства и политической культуры. G. Rose также отмечает, что хабермасианская нормативная рамка исключает возможность радикального конфликта, предполагая консенсус, которого зачастую не существует в реальной политике.

В то же время подход Дж. Агамбена^[5], акцентирующий внимание на институционализации исключения и трансформации временных ограничений в перманентную норму, подвергается критике как чрезмерно тотализирующий и пессимистичный. Так, B. Honig^[14] указывает, что концепция «голой жизни» рискует обесценить устойчивые механизмы правовой защиты и сопротивления, превращая субъектов в априорно лишённых политической субъектности. D. Dyzenhaus^[8], в свою очередь, развивает идею «верховенства права в условиях чрезвычайного положения», подчеркивая возможность институционального ограничения власти даже в моменты кризиса. Его теория предлагает нормативную альтернативу «суверенному произволу» Шмитта^[3], основываясь на идее «права на закон даже во времена исключения».

На этом фоне концепция «human security», сформулированная в докладах ООН и развитая в политико-правовой теории, предлагает смещение фокуса: от защиты границ — к защите условий достойной жизни индивида. В странах ЕС и отчасти в США эта модель постепенно институционализируется через судебную практику и нормативные акты. Однако, как показывают данные сравнительного анализа, в ряде юрисдикций доминирует парадигма «государство как субъект безопасности, личность — как объект защиты», в рамках которой права могут ограничиваться без достаточного уровня процедурной проверки. Amnesty International в своём ежегодном докладе за 2020–2021 годы подчёркивает, что меры, вводимые под предлогом борьбы с терроризмом или киберугрозами, нередко лишены соразмерности и ведут к расширению дискреционных полномочий^[23].

В российском контексте примерами трансформации временных исключений в устойчивую норму могут служить меры, введённые в условиях пандемии COVID-19, включая ограничения на массовые мероприятия, режим цифровых пропусков и систему QR-

сертификации.

Особенно это заметно в условиях цифрового контроля и биометрического управления, где безопасность становится не столько целью, сколько оправданием расширения компетенций государства. Как отмечает T. van Dijk^[9], риторика угрозы служит не только для описания опасности, но и для мобилизации общества вокруг репрессивных или исключительных мер. В этом контексте понятие «угрозы» утрачивает устойчивое содержание и становится элементом манипулятивной политики, направленной на концентрацию власти.

Таким образом, философско-правовой анализ подтверждает: ключевая проблема заключается не в антиномии свободы и безопасности как таковой, а в отсутствии устойчивых механизмов проверки обоснованности ограничений, недостатке процедурной подотчётности и нормативной неопределенности понятий «угроза» и «исключение». В условиях, когда правовая система не способна противостоять экспансии чрезвычайного дискурса, возникает риск подмены правопорядка режимом безопасности, функционирующим по логике исключения.

Заключение

Настоящее исследование показало, что соотношение личной свободы и государственной безопасности представляет собой не столько юридическую, сколько философско-нормативную проблему, решение которой невозможно без учёта контекста правовой культуры, типов легитимации власти и форм институционального доверия. На основе сравнительного анализа политico-правовых систем Китая, России, ЕС и США были выявлены различные модели приоритезации интересов: от парадигмы суверенитета и стабильности — к модели защиты человеческого достоинства и процедурной подотчётности.

Проведённый философско-правовой и компаративный анализ подтвердил гипотезу о том, что в условиях актуализации многофакторных угроз наблюдается общее смещение нормативного баланса в сторону усиления государственного контроля. При этом механизмы легитимации ограничений варьируются: от идеологических и нормативных (в КНР и РФ) до процедурно-коммуникативных (в ЕС и США), что обуславливает принципиальные различия в подходах к определению допустимых границ вмешательства в частную сферу.

Исследование также выявило, что ни одна из современных моделей не является универсальной. Более того, каждая из них сталкивается с вызовами: в одних случаях — это дефицит механизмов подотчётности и судебного контроля, в других — угроза фрагментации государственной ответственности в условиях многоуровневого регулирования. Это подчёркивает необходимость мета-рефлексии — критического осмыслиения самих оснований понятий «угроза», «исключение» и «легитимность», выходящего за пределы традиционных рамок позитивного права.

Таким образом, исследование выступает не только как инструмент анализа нормативных моделей, но и как критика оснований самих понятий «угроза» и «легитимность», что сближает его с подходами N. Fraser^[12] и J. Bartelson^[15]. Дополнительно, в контексте философии власти уместно вспомнить дилемму И. Берлина между позитивной и негативной свободой, позволяющую выявить глубинные различия между нормативными основаниями авторитарных и либеральных режимов^[21]. Вместе с тем в статье сохраняется приверженность основополагающим принципам правового государства,

включая идею верховенства права и неприкосновенности достоинства личности, как это обосновано в трудах R. Dworkin^[7] и D. Dyzenhaus^[8].

Результаты работы могут быть использованы для:

1. экспертной оценки допустимости ограничений прав человека в условиях чрезвычайных режимов;
2. разработки нормативных актов в области цифрового суверенитета и безопасности;
3. построения аналитических моделей правовой фильтрации рисков в национальных стратегиях;
4. формирования новых подходов к оценке легитимности мер в транснациональной политико-правовой практике.

Таким образом, дискуссия о пределах легитимности государственной власти в сфере безопасности требует отказа от бинарного противопоставления свободы и порядка и перехода к многоуровневому нормативному подходу, в центре которого — человеческое достоинство, правовая определённость и процедурная прозрачность. Ранее предпринятый автором анализ институциональных и нормативных оснований участия негосударственных акторов в обеспечении общественной безопасности в условиях современных вызовов показал, что фрагментарность правового регулирования и отсутствие комплексного подхода к легитимации таких субъектов создаёт предпосылки для усиления дискурса исключения и расширения дискреционных полномочий государства^[29]. Настоящая статья продолжает и дополняет обозначенную исследовательскую линию, акцентируя внимание на философско-правовых и компаративных аспектах легитимности ограничений, что позволяет более полно охарактеризовать современные трансформации политico-правового порядка.

Библиография

1. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с англ. В. Н. Садовского. М.: Мысль, 2001. 512 с.
2. Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. В. Н. Губского. М.: Мысль, 1988. 447 с.
3. Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы о понятии суверенитета / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Канон+, 2005. 176 с.
4. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: ACT, 1999. 424 с.
5. Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь / пер. с ит. С. Зенкина. М.: Европа, 2011. 264 с.
6. Хабермас Ю. Между фактами и нормами: вклад в дискуссию о праве и демократии / пер. с нем. В. Н. Поликарпова. СПб.: Наука, 2001. 528 с.
7. Dworkin R. Taking Rights Seriously. London: Duckworth, 1977. 384 p.
8. Dyzenhaus D. The Constitution of Law: Legality in a Time of Emergency. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 336 p.
9. van Dijk T. A. Discourse and Power. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 256 p.
10. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. London: Longman, 2010. 265 p.
11. Neocleous M. Critique of Security. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008. 192 p.
12. Fraser N. Justice Interruptus: Critical Reflections on the "Postsocialist" Condition. New York: Routledge, 1997. 216 p.

13. Glennon M. National Security and Double Government. Oxford: Oxford University Press, 2014. 272 p.
14. Honig B. Emergency Politics: Paradox, Law, Democracy. Princeton: Princeton University Press, 2009. 240 p.
15. Bartelson J. The Critique of the State. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 260 p.
16. Смирнова Н. И. Права человека и безопасность: нормативные основания ограничения в условиях угроз // Государство и право. 2022. № 5. С. 63–76.
17. Иванов В. П. Суверенитет и права личности в современном государстве // Право и политика. 2021. № 12. С. 14–27.
18. Human Rights Watch. World Report 2020: Events of 2019. New York: Seven Stories Press, 2020. 704 p.
19. Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971. 607 p.
20. Nozick R. Anarchy, State, and Utopia. New York: Basic Books, 1974. 384 p.
21. Berlin I. Two Concepts of Liberty. Oxford: Oxford University Press, 1958. 96 p.
22. Bigo D. Security and Immigration: Toward a Critique of the Governmentality of Unease // Alternatives. 2002. Vol. 27(1). P. 63–92. EDN: ЕНРКАВ
23. Amnesty International. Annual Report 2020/2021. London: Amnesty International Publications, 2021. 408 p.
24. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998.
25. Wæver O. Securitization and Desecuritization // In: On Security / Ed. by R. D. Lipschutz. New York: Columbia University Press, 1995. P. 46–86.
26. Lutz J. M., Ulmschneider G. W. Civil liberties, national security and U.S. courts in times of terrorism // Perspectives on Terrorism. 2019. Vol. 13(3). P. 35–47.
27. Montasari R. Artificial Intelligence and National Security. Cham: Springer, 2022. 236 p. DOI: 10.1007/978-3-031-06709-9.
28. Lowe D. Surveillance and international terrorism intelligence exchange: Balancing the interests of national security and individual liberty // Terrorism and Political Violence. 2016. Vol. 28(4). P. 653–673. DOI: 10.1080/09546553.2014.918880.
29. Ротко А.Г. Институционализация негосударственной системы обеспечения общественной безопасности в контексте современных вызовов национальной безопасности Российской Федерации // Национальная безопасность / nota bene. 2025. № 3. С. 1–10. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.3.74732 EDN: ZOXOOS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74732

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе выступают личная свобода и государственная безопасность, в статье исследуется как в современных политико-правовых системах формируется и легитимируется граница между этими категориями. Методология исследования базируется на использовании философских концепций, трактующих границы допустимого ограничения свободы; нормативно-юридического и критического подходов к ограничению прав; проведении сравнительно-правового анализа и критического дискурс-анализа, использовании общелогических методов

(анализ, синтез, дедукция, абстрагирование).

Актуальность работы авторы связывают с необходимостью пересмотра баланса между правами личности и интересами государства в условиях, когда перед государствами встают вызовы, выходящие за пределы классической сферы военной угрозы — от трансграничной киберпреступности до биополитического управления, а также с дефицитом междисциплинарных исследований, одновременно критически осмысливающих понятие государственного интереса и легитимность ограничения прав личности в сравнительной перспективе.

Научная новизна рецензируемого исследования состоит в выводах о том, что дискуссия о пределах легитимности государственной власти в сфере безопасности требует отказа от бинарного противопоставления свободы и порядка и перехода к многоуровневому нормативному подходу, а также в обобщении сведений о механизмах легитимации ограничений в политico-правовых системах Китая, России, ЕС и США.

Структурно в статье выделены следующие озаглавленные разделы: Введение, Результаты, Обсуждение, Заключение и Библиография.

В публикации проведено сравнение моделей безопасности и свободы в различных странах: Китае, России, США и странах ЕС по таким признакам как: тип легитимации безопасности, приоритет свободы / государства, нормативная база, подход к ограничениям прав. На основе этого сделаны обобщения, отраженные в трёх пунктах. Кроме этого разработана аналитическая таблица «Институциональные и дискурсивные основания ограничения прав личности в сравнительной перспективе», в которой отражены особенности ограничений в различных странах по следующим критериям: Тип легитимации, Основание для ограничения прав, Механизм проверки допустимости, Степень институциональной подотчётности, Характер угрозы (в дискурсе), Форма артикуляции угрозы. Авторы приходят к заключению о том, что соотношение личной свободы и государственной безопасности представляет собой не столько юридическую, сколько философско-нормативную проблему, решение которой невозможно без учёта контекста правовой культуры, типов легитимации власти и форм институционального доверия.

Библиографический список включает 29 источников – научные публикации отечественных и зарубежных авторов на русском и иностранных языках по рассматриваемой теме. На источники, приведенные в разделе «Библиография» по тексту приводятся адресные ссылки, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Рецензируемый материал соответствует направлению журнала «Национальная безопасность / nota bene», может вызвать интерес у читателей, материал рекомендуется к опубликованию.